

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич

По многочисленным просьбам наших читателей мы продолжаем публиковать воспоминания Геннадия Шаевича.

Записки из старого баула в синюю клетку

Продолжение

Начало в №12-2021, №2, 3-2022, №8-2023

Семья

То ли моей жене стало скучно, то ли решила улучшить демографическую ситуацию в стране, но она забеременела.

Ребёнок оказался с самого начала непростой: супругу мучило с первого дня и до предпоследнего, несмотря на все мои медицинские потуги.

В последний день тошноту пересилили схватки, начавшиеся сразу после полуночи. В больнице дежурный знакомый коллега спросил сонным голосом, нужна ли помощь. Я не стал отрывать его от безмятежного отдыха в два часа утра.

Ребёнок продолжал проявлять характер и родился, когда всем хотелось спать, а не работать. Роды пришлось принимать самому, вернее стараться не мешать естественному процессу.

От радостного крика новорождённой проснулись, наверное, даже звери в расположенном неподалёку зоопарке.

Привычка не давать никому спать по ночам сохранилась до сих пор.

Только теперь не спим, ожидая чадо с очередной ночной дискотеки.

Папа. Былое и думы

Когда я родился, то плохо какал. «Ребёнку нужны свежие яблоки», – сказал доктор, и родители решили купить садовый участок и посадить яблони.

Летом фрукты можно было купить на базаре, а вот зимой нас спасали яблоки, сложенные в ящиках в подвале дачного домика. По воскресеньям мы ходили с папой на дачу, брали яблоки из расчёта по одному на человека в день. И были счастливы.

Более тридцати лет мой отец ходил на дачу как на работу. Это была его отдушина, его место.

В Германии он затосковал, мы решили покупать садовый участок. В те времена они ещё были дефицитом, редкие объявления о продаже отталкивали ценой и реакцией на наш немецкий.

Однажды, гуляя недалеко от нашего дома, увидели сообщение о скором освобождении одного из участков в садоводстве совсем рядом с нашим жильём. Дорого, но всё равно – удача.

Управляющий сказал, что заявлений много, мы оставили наше, и были несказанно удивлены звонком через пару дней от самого владельца заветных соток. Пожилой немец лет под сто пригласил нас поговорить

с ним на месте. Оказалось, он воевал, был взят в плен под Сталинградом, провёл три года в неволе, был освобождён и отправлен домой. «Русские люди были очень добры ко мне, я выжил в плену, благодаря помощи русских женщин из соседних деревень. Теперь я хочу вернуть то добро. Я отдам вам свой сад, и бесплатно».

Папа ходил на дачу, как раньше на завод, практически по гудку.

Утром вставал, завтракал и отправлялся в сад. Работал, сажал, пересаживал, обрезал, прививал. А через восемь часов шёл домой.

И так все годы, в любую погоду, в любом состоянии. Там была его отдушина, его место.

Перед самой операцией, когда сердце работало уже только на пять процентов, он всё равно ковылял на дачу и просто сидел. Наверное, разговаривал со своими деревьями. С яблоней, сливой, вишней.

Дачные соседи

Справа от нас был участок Руди С. – директора городской тюрьмы. Такой вот сосед.

Вежливый, трудолюбивый и странный.

Каждый вечер после службы он приходил один на дачу, снимал рабочий мундир до трусов, садился на веранде, доставал из служебного портфеля бутылку пива и выпивал её залпом, с наслаждением закрывая глаза. Потом он вытягивался и мгновенно засыпал сидя. Ровно через пятнадцать минут Руди, как по будильнику, просыпался, доставал вторую бутылку пива, выпивал её залпом и снова засыпал на четверть часа. Потом была третья бутылка и третий пятнадцатиминутный сон.

В конце моциона Руди одевался в мундир, доставал из безмерного портфеля маленькую бутылочку водки, наливал в рюмку тоже из портфеля и стоя уже в форме, словно салютуя, опрокидывал её в рот.

Затем складывал посуду в дипломат и, как на параде, маршировал домой.

Такой вот директор тюрьмы со своими странностями.

Кто из нас без них.

Больница

Мне предложили место заведующего отделением в больнице города С. Главный врач, принимавший меня на работу, уходит по болезни на пенсию, меня назначают исполняющим обязанности.

Чтобы стать настоящим главным, требуется сдать ещё один экзамен, подтверждающий соответствие моего диплома стандартам немецкого высшего медицинского образования.

Экзекуция длится, по словам очевидцев, от трёх до шести часов, число не сдавших примерно восемьдесят пять процентов.

Я еду на экзамен в город Халле. Нас трое. Передо мной двоих заваливают.

Женщина из Казахстана выбегает рыдающая уже через полчаса. Мужчина из Украины выходит через час, матерится на всё здание и предлагает пойти выпить или набить морду профессору.

– Что-то сегодня наша комиссия не в духе, – секретарша сочувственно улыбается.

Шесть профессоров различных, кроме гинекологии, специальностей гоняют меня по всей шестилетней институтской программе. Хирургию, внутренние болезни, педиатрию и инфекциологию я прохожу неплохо, и тут доходит очередь до профессора дерматологии, он же председатель комиссии. Он свирепствует, задаёт вопросы, от которых даже его коллеги за столом удивлённо поднимают глаза.

– Знаете, я абсолютно уверен, что если я Вам сейчас задам вопросы по акушерству, Вы не сможете ответить ни на один вопрос вообще, – я не выдерживаю. – По Вашему, руководить немецкой клиникой я могу, оперировать немецких пациентов имею право, а мой советский диплом не соответствует? А у ваших коллег, каждый пятый из которых учился в СССР, дипломы проверить не хотите? Знаете что, можете поцеловать меня с вашим несправедливым экзаменом в зад! – я плохо контролирую себя, с напускным достоинством и обидой выхожу из аудитории и спускаюсь к выходу. Да пошли они все!

– Стойте, стойте, – секретарша догоняет меня на парковке, – ну, что же вы, профессора нашего чуть до инфаркта не довели, – и суёт мне в руки какие-то бумаги.

– Что это?

– Поздравляю, Вы сдали. Единогласно, – она облегчённо выдыхает.

Теперь я настоящий немецкий врач. Слава КПСС!

Вольные хлеба

Я ушёл из больницы. С должности главного врача. Почему? Устал.

Врачей не хватает, дежурю двадцать семь дней в месяце.

Молодые врачи, принятые на работу сразу после окончания университета в Польше и Румынии, умеют пока только набирать мой номер телефона без ошибки; на большее, надеюсь временно, не способны. Зато их, как членов ЕС, берут без ограничений и проверок, даже таких безруких. Вызывают они меня постоянно, иногда потому, что просто не поняли по-немецки, что от них хотят, то есть не сплю практически каждую ночь.

Я сам через агентство нахожу двоих опытных врачей из Чехии, но управляющая больницей их не берёт, так как они требуют зарплату, как у врачей в Западной Германии на пятнадцать процентов выше. Она отказывает, я увольняюсь.

Перехожу на вольные хлеба: езжу по Европе, оперирую за деньги.

Отправляюсь, куда позовут. Врачей не хватает не только в Германии, но и в Норвегии, Англии, Швейцарии – практически везде. Иногда уезжаю на три дня, иногда на месяц.

Золотое время беззаботного практического профессионализма и финансовой свободы.

Все довольны, кроме супруги, ей меня не хватает. Это радует, я возвращаюсь.

Праксис

Сотрудница объединения врачей города образно крутит пальцем у виска: похоже я первый врач, который открывает новый гинекологический праксис, а не перенимает уже существующий со своими пациентами.

В первую рабочую неделю у меня на приёме всего три человека: мама, жена и сестра.

За неделю.

Без рекламы и объявлений в газете меня просто не знают.

Сейчас, после почти пятнадцати лет, бывает более семидесяти пациентов в день.

Перебор.

Община

– Вы к Шаевичу на приём не ходите, идите к профессору Ф. Он же настоящий немецкий врач, – вежливая с виду дама, занимающаяся в еврейской общине вопросами медицины, таким образом как может «поддерживает» своих бывших советских коллег, да ещё членов гемайды, в которую она пристроилась.

Получается у неё это плохо. Сама врачом стать не смогла, но с радостью готова проявить себя хотя бы таким образом.

Надеюсь, это не официальная стратегия общины, а её личная «человеческая» инициатива.

Ничего, этот очередной акт «дружелюбия» отдельных сотрудников общины я переживу.

Но в гемайду больше не пойду – не люблю избирательных антисемитов и завистливых особ.

А большинство бабушек со временем всё равно перейдут ко мне.

Дом

Решили обзавестись собственной недвижимостью. Пришла пора. Ездим, выбираем.

Что-то не подходит, что-то подходит, но продают не нам, а что-то не по карману.

Приехала старшая дочь из Лейпцига в гости на выходные, гуляем по парку вокруг Зацкого озера. Объявление: день открытых дверей пяти новостроящихся домов. Начало через десять минут.

Идём смотреть.

Пока ещё виден только фундамент, но место шикарное. Четыре дома уже проданы, свободный – только один. Кандидатов – пять семей. «Кто завтра в понедельник первый заплатит первоначальный взнос, тому и дом».

Я звоню своему приятелю – сотруднику моего банка, прошу перевести деньги ровно в восемь утра. Он делает одолжение и переводит деньги по своему компьютеру ещё вечером в воскресенье.

Мы – первые, дом – наш.

Уже почти полтора десятка лет.

Повезло.

Ваш доктор Шаевич

Продолжение следует